

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-448-462

УДК: 801.73: 811.161.1'22:003

Научная статья / Research article

Фрактально-семиотическое моделирование концепта ЧАША в религиозных текстах

Чун Ин Ко

Государственный университет Чжэнчжи
64, ул. Чжинан, Тайбэй, Китайская Республика, 11605
kequ@nccu.edu.tw

В статье рассматривается с позиции фрактальной семиотики концепт ЧАША как особый семиотический объект в поле взаимодействия языка и культуры. Актуальность темы исследования обусловлена повышением интереса к применению системного подхода в изучении лингвистического объекта, в частности к использованию фрактального подхода для рассмотрения структуры концепта, включающей образные и рефлексивные компоненты. Предмет рассмотрения представляет собой фрактальная организация концепта ЧАША в речемыслительном процессе. Механизм данного концепта, функционируя на метауровне духовной семиосферы и микроуровне текста, обусловлен особенностями организации речевой деятельности, где проявляется синергетический принцип целостности. Новизна данной работы заключается в том, что предлагается опыт представления структуры концепта ЧАША, реконструируемой на основе русских контекстов с религиозным содержанием. «Фрактальность» этой структуры обусловлена «нелинейным» характером развития ряда символизированных значений (ЛСВ) чаша. Количественные данные об употреблении ЛСВ позволяют проследить особенности символизации в направлении «предмет → символ» и обосновать возможность применения концепции фрактала в качестве лингвистического подхода. Материалом для анализа послужили такие религиозные тексты, отличающиеся паттерном имплицитных смыслов и иерархичностью внутренней организации, как толкования писания, наставление о духовной жизни, святоотеческое наследие и проповеди. Целью настоящей работы являются представление структуры концепта ЧАША и выявление ее специфики динамической природы с учетом инореферентных и самореферентных знаков, а также рассмотрение соответствующих паттернов мышления, которые многократно репрезентируются в религиозных контекстах. Проведенный анализ продемонстрировал, что семантика концепта ЧАША вбирает в себя большой объем символических значений. Установлено, что на лексическом уровне языковая единица *чаша* со временем формируется и начинает функционировать абстрактное комплексное значение, называемое инвариантным. Данные комплексные инварианты представляют собой скорее открытые концептуальные схемы, которым придается значение в зависимости от контекстуальных условий, и происходит это в результате выполнения когнитивных операций на концептуальном уровне.

Ключевые слова: фрактал, нелинейность, языковая форма, самореференция, инореференция, асимметрия

© Ко Чун Ин, 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статья:

Дата поступления: 20.04.2020

Дата приема в печать: 30.04.2020

Для цитирования:

Ко Чун Ин. Фрактально-семиотическое моделирование концепта ЧАША в религиозных текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 3. С. 448—462. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-448-462

UDK: 801.73: 811.161.1'22:003

Fractal Semiotics Modeling of Concept *Cup* in Religious Texts

Chiung-ying Ko

National Chengchi University

64, Sec.2, Zhinan Rd. Taipei, Republic of China (Taiwan), 11605

keqy@nccu.edu.tw

Abstract. The article considers the concept CUP as a special fractal-semiotic object in the field of the interaction of language and culture. The relevance of the research topic is determined by the increased interest in the application of a systematic approach to the study of a linguistic object, in particular to the use of a fractal approach to analyze the structure of a concept, including figurative and reflective components. The subject of the review is the fractal organization of the concept CUP in the speech-thought process. The mechanism of this concept, correlating between the mega-level (the spiritual semiosphere) and the micro-level (text), depends on the features of speech organizational patterns with which the synergistic principle of integrity is manifested. The novelty of the work lies in the fact that it reveals the experience of representing the structure of the concept CUP, reconstructed on the basis of Russian contexts with religious content. The “fractality” of this structure is due to the “non-linear” nature of the development by a number of symbolized values (LSW) *cup*. Quantitative data makes it possible to trace the features of symbolization (a movement from subject to symbol) and to justify the possibility of using the concept of fractal as a linguistic approach. The material for the analysis was religious texts that are distinguished by a pattern of implicit meanings and hierarchical internal organization, such as interpretations of scripture, instruction on spiritual life, patristic heritage, and sermons. The aim of the work is to present the structure of the concept CUP and to reveal its specifics of a dynamic nature by taking into account external and self-referential signs, as well as to consider the corresponding patterns of thinking that are repeatedly represented in religious contexts. The analysis showed that the semantics of the concept CUP incorporate a large volume of symbolic meanings. It has been established that at the lexical level, the language unit *cup* is formed over time and an abstract complex meaning or invariant meaning would be activated. These complex invariants are more likely open conceptual schemes that are given importance depending on contextual conditions, and this occurs as a result of cognitive operations at the conceptual level.

Keywords: fractal, nonlinearity, linguistic form, self-reference, external reference, asymmetry

Article history:

Received: 20.04.2020

Accepted: 30.04.2020

For citation:

Ko, Chiung-ying (2020). Fractal Semiotics Modeling of Concept *Cup* in Religious Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 448—462. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-448-462

Введение

Когнитивная наука так называемого *третьего поколения*¹, как и в предыдущие периоды, отмечает зависимость механизмов концептуализации от опыта уподоблений живого неживому, и наоборот [1. С. 61—63]. Концепция фрактала была предложена американским математиком Б. Мандельбротом 1) для описания многих «неправильных» и фрагментированных форм в окружающем нас мире [3. С. 13] и 2) для обозначения генерации нелинейных² преобразований этих форм [3. С. 238]. Фрактал — это геометрическая форма, каждая из частей которой подобна целому, и многие нелинейные фракталы напоминают внешним видом органические объекты, структура которых включает в себя многочисленные повторы [3. С. 59, С. 239]. С учетом «фрактального» подхода на результаты концептуализации можно посмотреть и с точки зрения «моделей фрактальной геометрии, синергетики и нелинейной динамики», то есть «увидеть язык и коммуникацию через идеи и подходы теории фракталов, соединенные с идеями когнитивных наук» [4. С. 96]. Ю. Степанов образно писал о том, что фракталы представляют собой *одухотворенные формы*, открывающие нам законосообразность высшего рода [5. С. 216]. Они выступают в качестве высокого уровня познания мира путем оперирования языковыми знаками и языковыми выражениями [6. С. 5]. Формы языка рассматриваются как включенные в систему, в то же время в этих формах должна присутствовать сама система, которая представлена в виде конституирующих признаков. По убеждению ученого, в этом утверждении и содержится идея фракталов и фрактальности [7. С. 485].

Целью настоящей работы являются представление структуры концепта ЧАША и выявление ее специфики с учетом инореферентных и самореферентных «динамик», а также рассмотрение соответствующих паттернов мышления, которые многократно репрезентируются в религиозных контекстах.

¹ В то же время, по словам А.В. Кравченко, «принципиально различные подходы к проблеме разума, используемые в когнитивной науке первого, второго или третьего поколения, ведут к *принципиально различным теоретическим моделям языка* как объекта, поэтому лингвистам следует четко представлять себе, какие именно положения когнитивной науки какого поколения они разделяют» [1. С. 63]. В определении феноменологической сущности разума и языка ученый разделяет три подхода к конкретному исследуемому объекту. Первый подход отличается общетеоретическим, идеологическим основанием, на котором решаются проблемы генеративизма. В отличие от когнитивной науки первого поколения второй подход исходит из признания телесной природы разума, а третье поколение заключается в том, что в рамках биологической теории познания У. Матурана когнитивные системы — живые системы, такое понимание позволяет выходить за пределы организма, поскольку суть живых систем состоит в единстве взаимодействия с окружающей средой.

² Для лингвистического исследования нелинейный самоорганизационный процесс дает возможность стабилизации неравновесного состояния открытой системы языка [подобное см. 8. С. 77—80].

Фрактальность в развитии символизации (на примере репрезентантов концепта ЧАША)

Выбор данного концепта обусловлен тем, что суть смысла создания предмета культа заключается не только во внешнем пользовании, но и во внутреннем признании [9. С. 58]. Слово *чаша* в церковном дискурсе ассоциативно соотносится с полнотой страданий Христа, содержит в себе свернутую идею страдания, которая соотносится, конечно же, с евангельскими текстами и с иконографическими сюжетами (например, «Моление о чаше»), то есть становится личным символом страданий Христа. Затем этот личный символ «отрывается» от окружающего семиотического контекста и включается изоморфную систему памяти культуры. Как результат, библейская цитата *да минует меня чаша сия* используется далеко за пределами религиозно значимых ситуаций (о символическом кодировании знакового выражения в языковую форму см. в [10. С. 39—40]). По не менее образному выражению Ю. Лотмана, содержание символа лишь «мерцает» сквозь выражение, а выражение лишь «намекает» на содержание [11. С. 160], соответственно, фразеологическая единица *испить горькую чашу* или фразеологические сочетания *чаша терпения*, *чаша страдания* не просто эксплицируются в текстах, а соотносятся с фреймами о наивысшей одухотворенной форме страдания.

Семантические константы репрезентантов концепта ЧАША

Какие семантические константы сохранила на протяжении веков *чаша*? Мы привлекли к исследованию словарные материалы разных периодов: 1) лексикографические источники дореволюционной эпохи [12; 13]; 2) лексикографические источники советской эпохи [14]; 3) лексикографические источники постсоветской эпохи [15; 16]. К сожалению, по данным этимологических словарей, происхождение лексемы *чаша* неясно. Слово, возможно: 1) заимствовано из иранского языка, см. *cásaka* ‘кубок’; 2) связано с другими индоевропейскими языками, например, с древнепрussким *kiosi* ‘кубок’ или литовским *kiáusas* ‘череп’; 3) восходит — что вероятнее всего — к славянскому глаголу *cesati* ‘чесать’ с развитием значения ‘чесать, отделять, разделять’, от которого развились значения ‘чешуя, кора, скорлупа’ или ‘вырезанное, выдолбленное’ [17. С. 320; 55. С. 376; 59. С. 1084]. Г. Дьяченко подозревает иную связь слова с бытовой областью: «слово чаша производит от санскр. — *cash, cash* — *ati*, есть (кушать), откуда *cashaka*, слав. *чашка*. Оттуда же, вероятно, происходит и слово *каша*, как первое и до сих пор любимое кушанье славянского народа» [18. С. 811]. В любом случае выявляются семантические инварианты слова *чаша*: во-первых, во всех словарях описывается обобщенный чувственно-наглядный образ предмета как округлого сосуда с широким верхом и узким низом. Во-вторых, отмечено его предназначение для жидкости, вина, браги, меда и т. д. Важно, что уже в древнерусском языке существовали многочисленные результаты генерализации и метонимизации

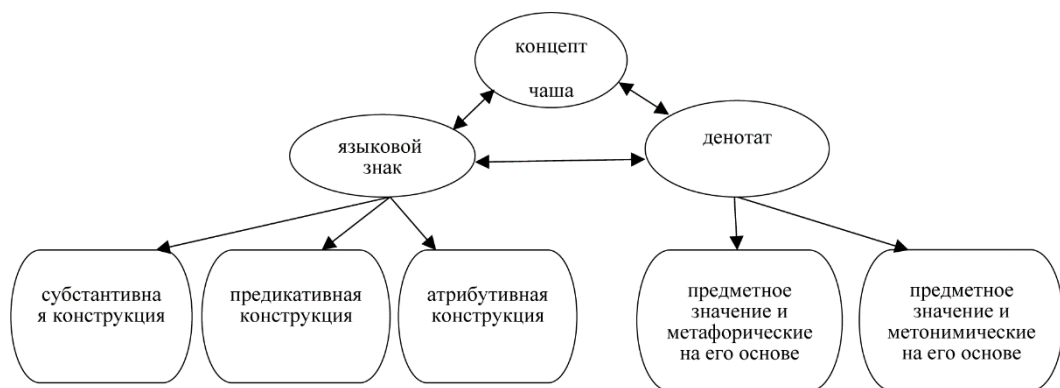
ции лексемы *чаша* (хотя некоторые из этих результатов исчезли к нашему времени): 1) круглый (в виде полушария) сосуд для жидкости; 2) сосуд для питья, чара, чаша; 3) чаша с питьем, питье; 4) потир, чаша для св. даров; 5) здравица, чаша во здравие; 6) угощение; 7) судьба, жребий; 8)местилище; 9) украшение в виде чашечки; 10) название крюкового знака [13. С. 1483—1483]. Кроме того, в словарях фиксируются идиомы-библеизмы: *испить горькую чашу*, *чаша терпения переполнилась*, *да минует меня чаша сия*, *бросить на чашу весов*. Они соотносятся с ситуациями «предельных», кризисных состояний.

Фрактальная концептуализация (на материале репрезентантов концепта ЧАША)

Схему концептуализации мы восстанавливали на материале разножанровых религиозных текстов (см. список источника материала). Учитывались следующие репрезентанты: субстантивные (существительное + существительное в родительном падеже), атрибутивные (прилагательное + существительное) и предикативные синтаксические конструкции. Материал извлекался методом сплошной выборки, было собрано и проанализировано 1189 словосочетаний, в которых был объективирован рассматриваемый концепт. Анализ и проведенная классификация языкового материала помогли прийти к пониманию механизма самоструктурирования этого концепта в целом. Результаты анализа упорядочены по принципам категоризации лексикографических данных, в том числе в «Словаре русских существительных», «Словаре русских глаголов» и «Словаре-тезаурусе русских прилагательных» под общей редакцией Л.Г. Бабенко.

Схема 1 / Scheme 1

Фрактальное развертывание концепта ЧАША / Fractal deployment of concept CUP

Поясним схему 1 как опыт совместить семантические и синтагматические признаки репрезентантов концепта и приведем некоторые иллюстрирующие контексты. Концепт *ЧАША*, с одной стороны, соотносится с лексическими репрезентантами на уровне ЛСВ, напрямую связанными с

денотатом «чаша» (см. правый блок схемы 1). Денотативные свойства реальных чаш влияют на семантическую наполненность и деривационные возможности лексемы *чаша* как совокупности ЛСВ. В исходном — предметном — значении *чаша* актуализирует в речи преимущественно формальные и функциональные признаки (и может развивать впоследствии метафорические и символические значения). Денотативные же свойства реальных чаш способствуют и метонимизации, которая, конечно же, может быть обусловлена и функциями, и др. семантико-мотивационными признаками, но ЛСВ-результаты такой метонимизации очень яркие и последовательные. Поэтому я их выделяю в отдельный блок.

С другой стороны, как репрезентант концепта и полноценный языковой знак лексема *чаша* имеет не только денотативные свойства, влияющие на структуру ее лексического значения, но и различные синтагматические характеристики, позволяющие семантике реализовать себя в высказываниях: словоформы лексемы *чаша* включаются в сложные синтаксические отношения с другими словоформами. На схеме они представлены в левом блоке, причем отношения между таксонами левого и правого блоков схемы — не противопоставленные: например, прямые и метонимические ЛСВ могут использоваться в различных синтаксических позициях, указанных в левом блоке, для репрезентации различной информации. Так, в составе субстантивных (субъектных, субъектно-объектных, объектно-объектных) сочетаний словоформы *чаша* участвуют в репрезентации самой разнообразной информации об эмоциях, интеллекте, религиозных чувствах и т.д. Например, с чашей холодной воды сравнивают влияние Библии на верующих: *Как путнику во время жара дорога чаша холодной воды, так слово Божие орошает душу* (Сокровище духовной мудрости). Особая информация об отношениях и т.д. передается словоформами *чаша*, например, в тех случаях, когда они включены в предикативные сочетания (используются в составе предикатов). Если словоформа *чаша* использована в составе атрибутивных конструкций, то она тоже выражает специфическую информацию, например, о сверхъестественном.

Нельзя сказать, что имеются очень четкие и непреодолимые тематические и функциональные границы между фактами, связанными с правым и левым блоками, то есть нельзя утверждать, что *чаша* выражает строго определенную информацию (о благодетели, о вере, о праве, о различных государственных феноменах и т.д.) лишь в определенных синтаксических позициях. Но тенденции есть, по крайней мере в исследованных текстах. Семиотические структуры включены в динамический процесс, который реализуется в том числе и в рекурсии языковых взаимодействий [18. С. 186].

Фрактальный потенциал как результат экстраполяции: от бытийной схемы к символам

Познание представляют собой устойчивый алгоритм, различные связи между деятельностью концептуальной и вербальной систем устоялись. По

мнению американского ученого П. Верта, наш мозг образно представлен как фрактальный объект, и концептуальный процесс тоже фрактально структурирован [22. С. 337]. Сжатие информации может облегчать процесс познания мира и его моделирования [23. С. 45]: например, часто метафора — это свернутое сравнение, ставшее предикатом, а метонимия — свернутая субъектно-объектная или атрибутивная конструкция. Для человеческого языка характерно формирование сложных структур из более простых по фрактальному принципу, при этом «значение сложного предложения будет зависеть не только от той концептуальной схемы, которая предопределяется его собственной формальной структурой, но и от постепенно отодвигающихся на задний план концептуальных схем, представленных в *конституентах* этой структуры» [24. С. 398].

Так, в собранном контекстном материале больше всего сочетаний лексики *чаша* с лексемой *вода* (94 случая), причем в 51 случае — это сочетания *холодная* (22) и *студеная* (29). Используются они, чтобы выразить информацию:

1) о благоденствии, то есть ЧАША ХОЛОДНОЙ ВОДЫ → БЛАГОДЕЯНИЕ: *Состоя убо в части радующихся о Господе, будем радоваться и сорадоваться всегда друг другу, чая за девство и нестяжание наше воздаяния от мздовоздаятеля Бога, обещавшего дать награду даже за чашу холодной воды, а не только за такие великие и преестественные деяния.* (25);

2) о награде, которой Бог вознаграждает по заслугам праведных: ЧАША ХОЛОДНОЙ ВОДЫ → НАГРАДА: *Обетовал Господь награду за чашу студеной воды, поданную во имя ученика Его; обетовал Господь воздать коемуждо по делам его. В деснице Господа весы и мера самые верные, самые точные. Если не погубит мзды своя чаша студеной воды, для представления которой нужен лишь труд почерпнуть ее; тем более вознаградится усердие, выраженное в обилии и силе.* (26); *...Как подавшего чашу холодной воды ожидает воздаяние, так и покающийся в злых делах своих, хотя бы и не оказал покаяния соразмерного с грехами, и за это получит воздаяние* (27). Тем не менее, концептуально субстанция в чаше соотносится и с Самим Христом: *Кто напоит ближнего хотя чашею холодной воды во имя Его, не потеряет награды своей (Мф. 10, 42), — говорит Он. При служении ближним иногда является лицепрятие, или леность, неохота, или гнев и раздражение, или желание вознаграждения. Знай, награда твоя — Христос* (28).

Как результат, представление «фрактально» сворачивается, чаша занимает предикативную позицию и развивается обратный метафорический символ: ЧАША ХОЛОДНОЙ ВОДЫ → ХРИСТОС: *Ты, Христос — Царство Небесное, Ты — земля кротких, Ты — рай зеленеющий, Ты — чертог Божественный, Ты — неизреченная таинница, Ты — (общая) для всех трапеза, Ты — Хлеб Жизни, Ты — питье совершенно новое, Ты — и чаша воды, и вода жизни...* (29). Но в целом чаша воды может оказаться и в антитетических отношениях с чашей вина, тоже используемой как символ Христа. Ср.: *Вода — прекрасный напиток, она не нарушает ясности мыслей, а выпитая чаша*

вина мутит ум (30), а потому чаша вина соотносится со смертью: *Однажды в Скиту сделано было для братии угощение. Одному из присутствовавших старцев подали чашу вина. Он отказался выпить ее, сказав подавшему: «Унеси от меня эту смерть». Прочие, участвовавшие в трапезе, увидев это, также не стали пить вина (26);*

3) о цене за вход в рай, в сущности, не имеющий этой цены: *Подлинно, Царство Божие не имеет цены по оценке... Для Петра и Андрея оно стоило оставленных сетей и лодки, для вдовы стоило двух лепт, для другого стоило чаши холодной воды. Итак, Царство Божие, как мы сказали, стоит столько, сколько ты имеешь (31). Ведь и в раю Господь покоит верующего «на злчных пажитях» и водит его «к водам тихим» (Псалом 22). В исследуемых текстах также выявлены связи чаши с лексемой сердце, а приношение чаши холодной воды — с воссоединением с Богом, с чьей помощью и совершается внутреннее преображение человека: *Помысли, что ты сам делаешься священником Христа, когда руками своими подаешь не тело, но хлеб, не кровь, но чашу холодной воды. Он облек тебя одеждой спасения и облек Сам, и ты сделай то же, хотя через раба. Он прославил тебя на Небесах, а ты по крайней мере защити Его от страха, наготы и беславия (27). В православной церкви принято к употреблению за литургией чистого виноградного вина, растворенного водой. Известно, что на Западе вода ассоциируется с церковью, а вино — со Христом, тогда как на Востоке их соединение воспринимается как указание на Божественную (вино) и человеческую (вода) природы Спасителя. Этот образ «фрактально» свернут в литургические по происхождению идиомы чаша в руке Господни, чашу спасения приму.**

В целом, в религиозных текстах эмоциональное переживание связано с вином: чувства концептуализируются как жидкости, а «переживания чувств — в образе чаши, из которой или которую пьет человек» [32. С. 257]. Соответственно, имеющийся в нашем распоряжении контекстный материал составил 41% сочетаний лексики чаша с предикатами, которые семантически связаны с жидкостью: *пить, испивать/ испить, выпивать/ выпить, изопить, выливать/ вылить, вливать/ влить, изливать/ излить, изливаться, налить, разливать, почерпнуть, зачерпнуть, исчерпываться, напоить, упоявать, упоить, упиваться.* В то же время, хотя чаша часто «фрактально» представлена как символ страдания (22 контекста), выборки показали, что в русских текстах она чаще соотносится с гневом (37 контекстов), поскольку вино служит также и символом эсхатологического суда, а чаша с вином изливается на врагов Бога, или же они вынуждены ее выпить (образ восходит к семи чашам Божьего гнева в книге Апокалипсиса (Откровение 16: 1—12)). Например: *Ибо в высшей степени нечестиво поклоняться, как Богу, чему-либо иному, кроме Бога настоящего и истинного. Тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его. Эту чашу и это вино вспоминает божественный Давид, говоря: Ибо чаша в руке*

Господа вина цельного, полная напиток, и Он изливает из нее туда и сюда; однако осадок его не истощится — будут пить его все грешники земли (31). Фрактально образы преступных грешников «свернуты» комментатором в фитообразы гроздей; известно, что виноградная гроздь — это свернутый фитосимвол и Христа, и христиан, поэтому такой переосмысленный фитообраз грешников — бывших христиан — очень впечатляющий: *Грешники будут брошены в точило Божьего гнева. Гроздь — законопреступники, наполнившие чашу гнева Божьего* (31). Образы чаш Божьего гнева зримо представлены в православной иконографии. Пить чашу гнева — это наказание: *кто согрешил, тот и должен быть наказан (стихи 19—20; ср. Иез. 18), сам обязан испить чашу божественного гнева* (31). Чаша гнева Божия толкуется в гомилетических текстах через синонимическое сочетание *чаши бедствий и страданий*: *Ты... выпил чашу ярости Его... некому было вести его... из всех сыновей, которых он возрастил. Под чашей гнева Божия, которую до конца испил Иерусалим, разумеется чаша бедствий и страданий, которые попущены Богом за грехи его обитателей и для вразумления их* (33). Сами страдания, мучения в сознании гомилетиков концептуализируются как лекарство от греха [34. С. 257]: *Как дается лекарство (cathartiam), чтобы вышел вредный пот, который есть в теле, так и Господь дает чашу горчайших мучений, чтобы удалить от грешников всю желчь и горечь, которая есть у них, и восстановить их в прежнем здорье (блаженный Иероним)* (33).

«Лексическая метафора соотносительна с отвлеченной семантикой слова, образ, то есть развитая динамическая метафора, соотносительна с синтаксико-семантической организацией предложения и смысловой структурой коммуникации» [35. С. 196]. Слово *чаши* часто сочетается с лексемой *весы* — обозначением предметного символа правосудия, которое аллегорически (обычно антропоморфно) изображается вместе с известным техническим прибором для взвешивания (в иконографии Страшного суда правосудие обычно представлено в виде ангела с весами или в виде длани Господней с теми же весами, в светской культуре — в виде богини Фемиды с повязкой на глазах и с весами в руке): *Заслуги каждого из нас на весах взвешиваются, и часто даже малый вес благого дела или дурного поступка склоняет чашу весов в одну или другую сторону. Если перевесят злые дела, увы мне! Если благие, то вот оно, прощение* (31). Бог выступает в роли высшего распорядителя весов правосудия, оценивающего не только побуждения, но и поступки. В качестве гирь участвуют персонифицированные душа, ум, определенная страсть, наслаждение и т.д. Например: *Тогда (когда душа чиста) и ум верно устанавливает свои чаши (как устанавливаются на весах чаши весовые), и трезвенным пребыванием в своем о всем суждении, как на чистейшем и неподкупном судилище* (25); *...Ум снова преклоняется к страстям, которые прежде были истреблены, и весовую чашу наслаждений обременяют до того, что доходит она до земли* (29); и т.д.

Заключение

В связи с повышением научного интереса к языковой динамике на уровне значений возникает необходимость учета и адаптации подходов из других научных областей, связанных с изучением сложных систем. Одним из таких подходов является фрактальный, изучающий динамику в концептуализации смыслов. Система значений может существенно увеличиваться, расширяться за счет условий синтаксической дистрибуции, а также контаминации образов, углублений смыслов (не всегда результаты этих процессов остаются в языке, часто явления носят окказиональный характер), но может и «сворачиваться» в метонимии и метафоры. Концептуализация чаш в русской повседневной и праздничной бытовой культуре привела к тому, что в общеупотребительном лексиконе, по данным Большого толкового словаря русского языка, лексема *чаша* сохранила следующие значения.

1. Предметное значение: «старинный большой сосуд с широким верхом и узким низом, лишенный ножки, с туловом, которое непосредственно соединяется с подставкой; обычно для питья вина и хмельных напитков. *Наполнить чашу. Поставить чаши на стол*». Но если рассматривать религиозные тексты, то в прямом предметном значении *чаша* употребляется в относительно редко, как, например, в приведенном выше контексте, где метафоризация («чаша вина — это смерть») вызвана не словом *чаша*, а *вино*: *Одному из присутствовавших старцев подали чашу вина. Он отказался выпить ее, сказав подавшему: «Унеси от меня эту смерть»* (26). В библейских текстах чаша, чаще всего серебряная, является атрибутом богатого человека, жертвователя в храм или предметом соблазна.

2. Метонимическое значение «количество жидкости, равное объему такого сосуда. *Выпить чашу до дна*» в религиозных текстах фрактально «разворачивается», поскольку под жидкостью метафорически подразумеваются и гнев Божий, Его ярость, а также бедствия и страдания, которые попущены Богом за грехи людей. Символически может подразумеваться и судьба, доля, что и отражено в евангельском выражении *да минует меня чаша сия*.

3. Метафорическое значение «любой сосуд, вместилище округлой формы» в сочетании *чаша весов* получило дальнейшее развитие и очень сложную символизацию в религиозных текстах, о чем и говорилось выше. Смысл выражения *бросить (положить и т.п.) на чашу весов (что-л.)* расширился, оно выступает в значении «рискнуть, пожертвовать в решающий момент чем-л. важным, значительным в надежде добиться перевеса успеха в каком-л. деле».

4. Формальное метафорическое и символическое значения слова *чаша* как «о чем-л., имеющем форму такого сосуда» развиваются в тех гомилетических текстах, которые интерпретируют храмовое «море», бывшее, как известно, *«толщиною в ладонь, и края его, сделанные подобно краям чаши, подходили на распутившуюся лилию»* (Третья Книга Царств, 7: 26).

5. Метафорическое значение «о большом количестве чего-л. (чувств, переживаний и т.п.), выпавших на чью-л. долю. *Испить (до дна) чашу люб-*

ви, страданий, радости, горя (испытать, изведать в полной мере что-л.)» получило самое широкое распространение. Менее востребованными оказались сочетания *осушить чашу страданий* ‘пережить много страданий’, *пить чашу радости, наслаждения* ‘радоваться, наслаждаться’ и *пить мертвую чашу* ‘грешить; пить запоем’. В религиозных текстах сочетания *переполнить чашу* (терпения) и *чаша* (терпения) *переполнилась* связывали с Богом и Божьим терпением, но за пределами церковного дискурса эти выражения получили значения ‘лишить сил, возможности, терпеть, выносить что-л.’ и ‘нет больше сил, возможности терпеть, выносить что-л.’ Заметим, что неверующие носители языка не обращают внимания на такие семантические метаморфозы, по отношению к этому речевому материалу они становятся «внешними» наблюдателями. Референция, по мнению В.В. Тарасенко, может быть «внешней» (инореференция) и «внутренней» (самореференция). Способом их различения служит сам наблюдатель конкретного предмета, явления, и русские гомиетики предлагают свой опыт самореферентного осмысления реальности. Соответственно, инореференция определяется как производство знаков, символов и текстов в процессе перипетий и узнавания мира, который наблюдатель считает внешнем [4. С. 70]. На основании концепции автопозыса сложная система как живой организм «постоянно определяет себя с точки зрения внутренней коммуникации своих частей (самореференции) и инореференции, связанной с включенной других организаций...» [4. С. 74].

Словарь не фиксирует сочетание *чаша жизни* ‘чашей со Святыми дарами’ (текст евхаристии), поскольку одной из антономасий Христа является *Жизнь*, а *Святые дары* понимают как *Тело и Кровь Христа*: «*Чашу жизни вкусите и видите, яко благ Господь*». *Да, надо вкусить, и тогда уже увидишь, какое блаженство* (36). Также в этом словаре не фиксируется значение ‘крюковой знак в нотной грамоте, преимущественно старообрядческой’.

Библиографический список

1. *Кравченко А.В.* О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 51—65.
2. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
3. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2002.
4. *Тарасенко В.В.* Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
5. *Степанов Ю.С.* Протей: Очерки хаотической эволюции. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. *Кубрякова Е.С., Ирисханова О.К.* Языковое абстрагирование в наименованиях категорий // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2007. Т. 66. № 2. С. 3—12.
7. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. *Пономаренко Е.В.* Основная функциональная лингвосинергетика: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2015.

9. *Флоренский П.* Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004.
10. *Колесов В.В.* Введение в концептологию: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.
11. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999.
12. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка Т. 4. М.: РИПОЛ классик, 2006.
13. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам Т. 3. СПб.: Типография императорской академии наук, 1912.
14. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 2006.
15. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
16. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: НОРИНТ, 2000.
17. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Астрель, 2004.
18. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993.
19. *Бабенко Л.Г.* Большой толковый словарь русских глаголов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.
20. *Бабенко Л.Г.* Большой толковый словарь русских существительных. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
21. *Бабенко Л.Г.* Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам. М.: Проспект, 2011.
22. *Werth P.* Text words: Representing Conceptual Space in discourse. Serie: textual explorations. London: Longman, 1999.
23. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Законы эволюции и саморазвития сложных систем. М.: Наука, 1994.
24. *Жаботинская С.А.* Принципы создания ономастических моделей и событийных схем в языке // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 381—400.
25. *Добротолубие в 5 томах.* М.: Сибирская Благовонница, 2010.
26. *Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова в 8 тт.* М.: Полонникъ, 2001—2007.
27. *Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста в 2 тт.* М.: ДАРЪ, 2008.
28. *Симфония по творениям святого праведного Иоанна Кронштадтского.* М.: ДАРЪ, 2007.
29. *Сокровище духовной мудрости в 12 тт.* М.: Издание Московский духовной Академии и Введенской Оптинской Пустыни, 2003—2011.
30. *Симфония по творениям святителя Григория Богослова.* М.: ДАРЪ, 2008.
31. *Одэн Томас К.* Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I — VIII веков. Тверь: Герменевтика, 2001—2011.
32. *Виноград В.В.* Язык Пушкина: Пушкин и истории русского литературного языка. М.: Л.: Academia, 1935.
33. *Лопухин А.П.* Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Ветхий Завет: в 5 тт. М.: Даръ, 2008.
34. *Лагута О.Н.* Исцеление души: метафорика сотериологии и науки. Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 264—278.
35. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
36. *Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев в 2 тт.* М.: ДАРЪ, 2009.
37. *Агаркова Н.Э.* Деньги // Антология концептов. М.: Гнозис, 2007. С. 304—323.
38. *Балакин С.В.* Фрактальный характер пропозиции при деривационных процессах // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Междунар. науч. конф. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 8—11.
39. *Бронник Л.В.* О фрактальном самоподобии в языке // Известия Волг. гос. пед. университета. № 10. Т. 44. 2009. С. 15—19.

40. Жаткин Д.Н. “Чаша жизни” в русской поэзии // Русская речь. М. 2006. № 1. С. 9—13.
41. Жуков Д.С., Лямин С.К. Методология фрактального моделирования в исторических, политологических и иных социальных исследованиях: особенности понятийного и аналитического аппарата // Вестник ТГУ, вып. 7 (87), 2010. С. 223—234.
42. Манаков Н.А., Москальчук Г.Г. Фрактальная природа языка // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2000. С. 24—33.
43. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Ангел Хранитель. М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2011.
44. Архимандрит Иоанн (Маслов). Прп. Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. М.: Издание Братства святителя Алексея, 1993.
45. Архимандрит Пантелеимон. Отец Иоанн. Новый Валаам: Издание Ново-Валаамского монастыря, 1992.
46. Игумен Никон (Воробьев). О начале жизни. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013.
47. Игумен Сергей (Рыбко). Жизнь — это экзамен на любовь. М.: Красный Пролетарий, 2005.
48. Козаченко В. Для чего мы живем. М.: Ковчег, 2013.
49. Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении. М.: Русло, 1992.
50. Протоиерей Константин Островский. Вечность — у дверей. Заметки священника. Красноярск: Успенский храм, 2010.
51. Протоиерей Николаев Сергей. Секреты любви. За советом и утешением к батюшке. Проповеди и размышления. М.: Ковчег, 2012.
52. Симфония по творениям преподобного Ефрема Сирина. М.: ДАРЬ, 2008.
53. Симфония по творениям святителя Василия Великого. М.: ДАРЬ, 2008.
54. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М.: ДАРЬ, 2007.
55. Чернышев В.И. Словарь современного русского литературного языка Т. 17. М.—Ленинград: Наука, 1965.
56. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка. Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 2. М.: Флинта: Наука, 2010.
57. Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь Т. 2. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2002.
58. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011.

References

1. Kravchenko, A.V. (2009). About traditions, linguistics and cognitive approach In *Horizons of contemporary linguistics: Traditions and novelty*. Moscow: Languages of Slavic cultures. pp. 51—65. (In Russ.).
2. Maturana, H.R. & Valera, F.J. (2001). *Tree of knowledge*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.).
3. Mandelbrot, B. (2002). *The Fractal Geometry of Nature*. Moscow: Institute of computer searching. (In Russ.).
4. Tarasenko, V.V. (2012). *Fractal Semiotics: Blind Spots, Peripeteia and Recognition*. Moscow: URSS. (In Russ.).
5. Stepanov, Yu. (2004). *Proteus. Essays on chaotic revolution*. Moscow: Language of Slavic cultures. (In Russ.).
6. Kubriakova, E.S. & Iriskhanova, O.K. (2007). Language abstraction in category naming. *Izvestiia of RAS. Serie literature and language*, 2, 3—12. (In Russ.).
7. Kubriakova, E.S. (2004). *Language and knowledge: on the way to acquiring knowledge about language*. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.).
8. Ponomarenko, E.V. (2015). *Fundamental functional linguistics synergy*. Moscow: MGIMO university. (In Russ.).
9. Florenskii, P. (2004). *The Philosophy of Cult (An experience of Orthodox anthropodice)*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
10. Kolesov, V.V. (2016). *Introduction into the conceptology: teaching aids*. Moscow, Flinta:

- Nauka. (In Russ.).
11. Lotman, Yu.M. (1999). *Inside the thinking worlds: Man — Text — Semiosphere — History*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
 12. Dal', V.N. (2006). *Explanatory dictionary of the living Great Russian Language in 4 vols*, vol. 2. Moscow: RIPOL classic. (In Russ.).
 13. Sreznevskii, I.I. (1983). *Materials for a dictionary of the old Russian Language*, vol. 3. St. Petersburg. (In Russ.).
 14. Chernykh, P.Ia. Historical etymological of the modern Russian language in 2 vol., vol. 2. Moscow: Russian Language. (In Russ.)
 15. Efremova, T.F. (2000). *New explanatory derivation Russian dictionary*. Moscow: Russian Language. (In Russ.).
 16. Kuznetsov, S.A. (2000). *Big Explanatory Dictionary of Russian*, S.A. Kuznetsov (Ch. ed.). St. Petersburg: NORINT. (In Russ.).
 17. Fasmer, M. (2004). *Etymological dictionary of Russian language in 4 vol.*, vol. 4. Moscow: Astrel, AST. (In Russ.).
 18. D'iachenko, G. (1993). *Complete dictionary of Church Slavonic language*. Moscow: Patriarchate. (In Russ.).
 19. Babenko, L.G. (2007). *An explanatory dictionary of Russian verbs*, L.G. Babenko (Ch. ed.). Moscow: AST-Press book. (In Russ.).
 20. Babenko, L.G. (2005). *An explanatory dictionary of Russian nouns*, L.G. Babenko (Ch. ed.). Moscow: AST-Press book. (In Russ.).
 21. Babenko, L.G. (2011). *Thesaurus of Russian Adjectives Classified by Focus Groups*. Moscow: Prospekt. (In Russ.).
 22. Werth, P. (1999). Text words: Representing Conceptual Space in discourse In *Serie: textual explorations*. London: Longman.
 23. Kniazeva, E.N. & Kurdyumov, S.P. (1994). *Laws of Evolution and Self-Organization of Complex Systems*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
 24. Zhabotinska, S.A. (2009). Principles of building onomosiological models and event schema In *Horizons of contemporary linguistics: Traditions and novelty*. Moscow: Languages of Slavic cultures. pp. 381—400. (In Russ.).
 25. Metropolitan Macarius of Crinth, Nicodemus the Hagiorite. (2010). *Philokalia in 5 vol*. Moscow: Siberia Blagozvonnica. (In Russ.).
 26. Strizhev, A.N. (2001—2007). Complete creation of St. Ignatius Brianchaninov in 8 Vol., A.N. Strizhev (Ed.). Moscow: Pilgrim. (In Russ.).
 27. Tereschenko, T.N. (2008). *Symphony on creations of St. John Chrysostom in 2 vol.*, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).
 28. Tereschenko, T.N. (2007). *Symphony on creations of St. John of Kronstadt*, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).
 29. TSW (2003—2011). *Treasure of Spiritual wisdom in 12 vol*. Moscow: Moscow Theological academy and Vvedenskii Optina desert. (In Russ.).
 30. Tereschenko, T.N. (2008). *Symphony on creations of St. Gregory Nazianzus*, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).
 31. Oden, T.K. (2001—2011). *Ancient Christian Commentary on Scripture I—VIII centuries*. Tver': Hermeneutics. (In Russ.)
 32. Vinogradov, V.V. (1935). *Pushkin's language. Pushkin and history of Russian literary language*. Moscow: Leningrad: Academy. (In Russ.)
 33. Lopukhin, A.P. (2008). *Explanatory Bible, or Commentary on Scriptures of the Old and New Testaments*. Old Testament in 5 vol. Moscow: Dar. (In Russ.).
 34. Laguta, O.N. (2004). Soul healing: Metaphor systems of soteriology and sciences. *Criticism and semiotics*, 7, 264—278. (In Russ.)
 35. Arutiunova, N.D. (1999). *Language and world of man*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.)
 36. Tereschenko, T.N. (2009). *Symphony on creations reverend Optina elders in 2 vol.*, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).

37. Agarkova, N. (2007). Money In *Anthology of concepts*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
38. Balakin, S.V. (2016). Fractal nature of proposition in derivational processes In Proceedings of the international conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”, April 20—22, Chelyabinsk: Encyclopedia. pp. 8—11. (In Russ.).
39. Bronnik, L.V. (2009). Fractal Self-similarity in language. *Izvestija of Volgograd State University*, 10, 15—19. (In Russ.).
40. Zhatkin, D.S. (2006). “Bowl of life” in Russian poetry. *Russian speech*, 1, 9—13. (In Russ.).
41. Zhukov, D.S. & Liamin, S.K. (2010). Methodology of fractal modeling in historical, political and other social researchers: regularities conceptual and analytical apparatus. *Journal of TGU*, 7 (87), 223—234. (In Russ.).
42. Manakov, N.A. & Moskol'chuk, G.G. (2000). The fractal nature of language In *Linguistic synergy: problems and perspectives*. Barnaul: Altai state university. pp. 24—33. (In Russ.).
43. Archimandrite John (Krest'iankin) (2011). Gardian angel. Moscow: Brotherhood of St. John the Apostle. (In Russ.).
44. Archimandrite John (Maslov) (1993). St. Ambrose of Optina and his epistolary heritage. Moscow: Brotherhood of St. Alexius. (In Russ.).
45. Archimandrite Panteleimon (1992). Father John. Uusi Valamo: New Valaam Monastery. (In Russ.).
46. Abbot Nikon (Vorob'ev). (2013). About the beginning of life. Moscow: Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church. (In Russ.).
47. Abbot Sergii (Rybko). (2005). Life is an exam foe love. Moscow: Red Proletarian. (In Russ.).
48. Kazachenko, V. (2013) What do we live for, V. Kazachenko (Ed.). Moscow: Kovcheg. (In Russ.).
49. Metropolitan Veniamin (Fedchenko). (1992). About faith, unbelief and doubt. Moscow: Ruslo. (In Russ.).
50. Archpriest Konstantin Ostrovskii. (2010). Eternity is at the door. Priest's notes. Krasnoyarsk: Uspenskii church. (In Russ.).
51. Archpriest Nikolaev Sergii (2012). Secrets of love. For advice and comfort to a priest. Sermons and thoughts. Moscow: Kovcheg. (In Russ.).
52. Tereschenko, T.N. (2008). Symphony on creations of St. Ephrem the Syrian, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).
53. Tereschenko, T.N. (2008). Symphony on creations of St. Brasil the Great, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).
54. Tereschenko, T.N. (2007). Symphony on creations of St. Tikhon of Zadonsk, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).
55. Chernyshev, V.I. (1965). Dictionary of modern Russian literary language in 17 vol., vol. 17, V.I. Chernyshev (Ch. ed.). Moscow: Leningrad: Nauka. (In Russ.).
56. Shaposhnikov, A.K. (2010). Etymological Dictionary of the Contemporary in 2 vol., vol. 2, A.K. Shaposhnikov (Ch. ed.). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
57. Shvedova, N.Yu. (2002). Russian Semantic Dictionary. Dictionary systematized according to classes of words and meanings, N.Yu. Shvedova (Ch. ed.). Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
58. Shvedova, N.Yu. (2011). The explanatory dictionary of the Russian language, N.Yu. Shvedova (Ch. ed.). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ко Чун Ин, кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета славистики государственного университета Чжэнчжи; *научные интересы*: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, семантика; *e-mail*: kequ@nccu.edu.tw.

Information about the author:

Ko Chiung Ying, PhD of Philology, assistant professor of department of Slavic languages and literatures, National Chengchi university; Research Interests: Cognitive linguistics, Cultural linguistics, Semantics; *e-mail*: kequ@nccu.edu.tw.